

Анна Аркадьевна Плотникова

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект 32а. E-mail: annaplotn@mail.ru

Календарные обходы у градищанских хорватов Венгрии: архаика и ее воспроизведение

В статье рассматриваются календарные обходы у градищанских хорватов юго-западной Венгрии в окрестностях Сомбатхея на материале полевых этнолингвистических исследований, проведенных в 2019 г. Особое внимание уделено процессам взаимодействия и взаимовлияния хорватской и венгерской сосуществующих языковых, фольклорных и этнографических традиций. Показана роль используемого языка фольклора, который в ряде случаев воспроизводится при воссоздании рождественского обрядового обхода. В центре внимания исследователя оказывается история возрождения рождественского обхода *pastiri* в селе Нарда и окружающих его селах — Горни Четар и Хорватские Шице. Реконструкция элементов данного рождественского обхода показала, что обрядовые лица, посещающие дома в селе как «пастухи», выступают в роли «чудесных гостей»: соединяя сферы «своего» и «чужого», они становятся объектом сакрализации и почитания как представители некоего иного мира, одаривание которых в свою очередь несет благосостояние, успех и удачу хозяевам. В настоящее время данный архаический аспект обхода сохраняется как символ, знак, характерная особенность самого зимнего обряда-представления (*pastirska igra*). Характерными являются маски, изображающие персонажей библейской истории (*pastiri, andjeli*), что вписывается в широкий контекст поздней славянской традиции. Более древнее значение обхода отражено в атрибутике обряда и мотивах песен. На примере рождественского обхода «пастухов» показана языковая и фольклорная полигlossия, характерная для данного региона, где градищанские хорваты проживают в иноязычном и инокультурном окружении.

Ключевые слова: народный календарь, этнолингвистика, фольклор, традиционная народная культура, архаические ареалы, градищанскохорватский язык, венгерское влияние

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01373) «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования». Экспедиции проводились А.А. Плотниковой совместно с Д.Ю. Ващенко.

За последнее время учеными Института славяноведения РАН было предпринято три этнолингвистические экспедиции в градищанскохорватские регионы, находящиеся на австро-венгерском пограничье¹. Первое полевое обследование региона состоялось в 2017 г. и охватывало села в окрестностях г. Шопрон (Унда, Хорватский Жидан, Присика и Плайгор)², так называемое Среднее Градище, если условно делить Бургенланд (Градище) на три части: Северное, Среднее и Южное. В 2018 г. полевая работа проводилась в Южной Словакии, в селах Яровце и Чуново (север Градища), бывших в составе Венгрии до конца Второй мировой войны и присоединенных к Словакии после нее, а в настоящее время входящих в административные границы Братиславы³. В 2019 г. удалось осуществить полевое этнолингвистическое изучение градищанскохорватских сел, условно относимых к Южному Градищу: с. Нарда (венг. *Narda*, гр.-хорв. *Narda*), Горни Четар (венг. *Felsőcsatár*, гр.-хорв. *Gornji Četar*), Хорватские Шице (венг. *Horvátlővő*, гр.-хорв. *Hrvatske Šice*) и Петрово Село (венг. *Szentpéterfa*, гр.-хорв. *Petrovo Selo*)⁴. Эти села образуют единый «куст» с селами Чемба и Чайта, расположенных на территории соседней Австрии, тоже вблизи границы, разделившей в 1921 г. по Трианонскому мирному договору (1920 г.) два государства бывшей Австро-Венгрии⁵.

¹ *Градище (Gradišće)* — хорватское название Бургенланда, федеральной земли в составе Австрии или, в широком смысле, исторической области на востоке Австрии и западе Венгрии. Топоним (*Burgenland* — «Край замков») сконструирован из немецких названий административно-территориальных единиц (комитатов) исторической Венгрии, содержащих слово «замок» (*Burg*): Шопрон (*Ödeburg*), Ваш (*Eisenburg*), Мошон (*Wieselburg*). В российской славистике традиционно используется самоназвание «градищанские хорваты» (*прим. редкол.*).

² Экспедиция Института славяноведения к градищанским хорватам Венгрии. 9–21 июня 2017 г. // Институт славяноведения РАН. URL: <https://inslav.ru/event/ekspediciya-institutu-slavyanovedeniya-k-gradishchanskim-horvatam-vengrii> (дата обращения: 30.12.2019).

³ Экспедиция Института славяноведения в Словакию. 15–25 мая 2018 г. // Институт славяноведения РАН. URL: <https://inslav.ru/event/ekspediciya-institutu-slavyanovedeniya-v-slovakiyu> (дата обращения: 30.12.2019).

⁴ Экспедиция к градищанским хорватам западной Венгрии (окрестности Сомбатхея). 14–23 мая 2019 г. // Институт славяноведения РАН. URL: <https://inslav.ru/event/ekspediciya-k-gradishchanskim-horvatam-zapadnoy-vengrii-okrestnosti-sombatheya> (дата обращения: 30.12.2019).

⁵ Подробнее о специфике местоположения этих сел см. Плотникова, Ващенко 2019: 89–90.

Этнолингвистические экспедиции на территории Венгрии показали определенное сходство языковой ситуации во всех градищанскохорватских селах. Представители старшего и среднего поколения билингвальны, хорватский язык используется ими для внутрисемейного общения, а также для коммуникации в пределах села и при общении с жителями окрестных славянских сел. Все надписи на табличках административного порядка (название села, на зданиях администрации и дома культуры и т. д.), как правило, представлены на двух языках. В градищанскохорватской речи хорватских жителей на территории Венгрии заметно определенное количество унгаризмов, касающихся вводных слов (например, *hogy* 'итак'), бытовой лексики окружения (например, *bolta* 'магазин' и др.), а в окрестностях Сомбатхея — еще и германизмов. Это обусловлено тем, что хорватские села юго-западной Венгрии тесно взаимосвязаны не только с собственно венгерскими селами, но и с окрестными немецкими деревнями Вашкерестеш (венг. *Vaskersztes*, нем. *Grossdorf*) и Порнопати (венг. *Pornóapáti*, нем. *Pernau*), которые юридически относятся не к Австрии, а к Венгрии. Специфика славянского островного ареала внутри иноязыковой общности на территории Венгрии накладывает отпечаток не только на язык, но и на традиционную культуру хорватов, переселившихся на эти земли более 500 лет назад. Во время экспедиций 2017 и 2019 г. фиксировались многие сохранившиеся архаические черты народной культуры⁶. Хорватские села на территории Словакии имеют определенную специфику. Поскольку обследованные два села градищанцев (Яровце и Чуново) были присоединены к ней или вошли в ее состав только после Второй мировой войны, то социоллингвистическая ситуация там во многом схожа с охарактеризованной выше, но здесь жители трилингвальны: помимо своего родного градищанскохорватского и официального словацкого, среднее и старшее поколение свободно владеет венгерским языком. В традиционной народной культуре наряду с архаическими чертами градищанскохорватской специфики прослеживается и современное влияние словацкой народной традиции.

Далее для анализа интересующей нас темы взаимовлияния элементов сельской народной культуры подробнее остановлюсь на материалах третьей экспедиции к градищанским хорватам австро-венгерского

⁶ См., например: Плотникова 2017: 111–121.

пограничья (окрестности Сомбатхея в Венгрии)⁷. Было зафиксировано немало обрядовых обходов в течение календарного года, роль которых в самоидентификации градищанцев, несомненно, очень высока. При этом календарные обходы хорватов окрестностей Сомбатхея несколько варьируются от села к селу, несмотря на определенную общность традиции. Вместе с тем современное состояние традиции таково, что многие из бытовавших здесь ранее календарных обрядов постепенно забываются и проводятся все менее регулярно. Так, если раньше за время масленицы (*Fášenki, Fášinjak*) не было ни одной свадьбы, то в селах Нарда и Петрово Село практиковался обычай «тянуть сосну/пень» (*bor vleć, panj vleć*). Такие сведения мне удалось записать 12 лет назад, беседуя в австрийском селе Чемба с информантом, приехавшим из села Нарда на венгерской стороне Градища (который, как выяснилось в экспедиции 2019 г., оказался отцом Шандора Хорвата, ныне сотрудника сомбатхейского этнографического музея). По словам собеседников из с. Петрово Село (это местечко обследовалось мною не только в 2019 г., но и ранее, в 2014 г.), на огромном пне, который по всему селу тянули кони, сидели неженатый парень и незамужняя девушка, одетые как жених и невеста. Тем не менее у градищанских хорватов Венгрии обычай давно не практикуется, и большой объем сведений о нем можно получить от заезжающих сюда жителей из соседних градищанскохорватских сел на территории Австрии (Чемба и Чайта), что в свою очередь связано с определенным «поддерживающим» влиянием культуры окружающих австрийцев, у которых подобные обычаи до сих пор практикуются (в том числе, в рамках фестивалей и пр.).

Среди календарных обходов, которые до сих пор хорошо сохраняются у градищанских хорватов этого региона Венгрии и имеют ряд архаических черт, следует выделить зимние обходы на св. Люцию с ряженой в белые одежды Люцией (они фиксируются лишь в двух селах — Хорватские Шице и Горни Четар; в других обследованных селах Градища не отмечены); обходы парней в день «невинных младенцев» (*Nekriva dičica*, 28.12) с собственноручно сплетенными кнутами (*korbači, šubari, šubre*), которыми пришедшие стегают домочадцев с приговорами: «Будьте свежими и здоровыми» и подобное (все села); масленичный обряд сбора розмарина парнями (понедельник

⁷ В этом регионе за время экспедиции удалось опросить более 20 информантов из четырех градищанскохорватских сел.

на масленицу). Довольно редкий на территории Градища масленичный «сбор розмарина» известен во всех трех селах рассматриваемого «куста» — Нарда, Горни Четар, Хорватске Шице. Несмотря на то, что жители села Горни Четар считают обход исключительно «своим», якобы другим селам не известным, следует заметить, что архаические черты обряда сохраняются именно в селе Нарда: это прежде всего касается мотива долгого странствия нищих, которым дают не розмарин, а солому, «чтобы они могли на ней отдохнуть».

Текст диалога:

<i>Хозяйева:</i> Ko ste vi?	Кто вы?
<i>Гости:</i> Mi smo pogoreni, saku- pljamo darove da imamo živjet iz čega.	Мы погорельцы, собираем дары, чтобы иметь пропитание.
<i>Хозяйева:</i> Odakle ste?	Откуда вы?
<i>Гости:</i> Izdaleka smo mi, molimo Vas da nam pomognite.	Мы издалека, просим вас помочь нам.

После этого диалога девушка каждому юноше на шляпу прикрепляла розмарин; от хозяев парни получали съестное. Далее группа шла с музыкой и песнями по селу. Сейчас известны многочисленные вариации (ходят только к знакомым или родным либо ходят в дома, где живут понравившиеся девушки; прикрепляют к шляпе букетик разных цветов, а не только розмарин; собираются в корчме, где проходит весь обряд, и т. д.).

В связи с этим обрядовым обходом нельзя не привести эмоциональный рассказ ученого, сотрудника этнографического музея в Сомбатхее Шандора Хорвата о послевоенных исторических событиях, когда в эпоху «коммунизма» из каждого села выдворяли на выселки по одной семье: через несколько лет, получив возможность вернуться, переселенцы обнаруживали на пороге своего дома пучок соломы, что свидетельствовало о поддержке всего села, почитающего старые традиции градищанских хорватов, и единении на основе своей традиции, — способ самоидентификации, выраженный с помощью ритуальной атрибутики.

Один из основных вопросов предпринятого этнолингвистического обследования — каким образом сохраняется архаика⁸ в традиции островного славянского ареала на западе Венгрии — попробую

⁸ Под термином «архаика» в данном случае понимаются элементы славянской народной традиции, соотносимые с наивной картиной мира, попытка реконструкции которой, в частности, предпринята в масштабном труде Московской этнолингвистической школы «Славянские древности. Этнолингвистический словарь». Т. 1–5. М., 1995–2012.

осветить в данной работе. Как и в случае фольклорных произведений, решающую роль играет передача многочисленных элементов народной традиции от поколения к поколению, но при этом нельзя забывать и о вторичном воспроизведении ряда важнейших культурных контекстов, внедряемом в культуру села вторично так называемыми проводниками. Употребляя словосочетание «проводник в народной культуре», обратим внимание на научные исследования С. Е. Никитиной: всесторонний полевой опыт работы позволил ей на многочисленных лекциях и в докладах говорить не только о «страдах» в том или ином этнокультурном сообществе, но также и об отдельных людях, своего рода «проводниках» для сторонних исследователей в иноязычных, инокультурных и иноконфессиональных анклавах⁹. В градищанскохорватском селе Нарда таким человеком стал для нас Ш. Хорват. А в крошечном селе Хорватские Шице, где также замечательно сохраняются и поддерживаются народные обычаи, знатоками местной народной культуры считаются венгр Л. Ковач и его супруга Дж. Ковач (градищанская хорватка), издавшие краеведческую книгу о селе¹⁰, в которой традиционным обрядам и поверьям уделяется особое внимание. Разумеется, опора на передачу сведений «из уст в уста» от старших к младшим (в каждой семье есть свои устои и обычаи, откуда высказывания «испокон века в нашем доме делали так-то»; «мой отец / моя мать / бабушка мне говорили» и подобное) укрепляет общую коллективную традицию, вместе с тем очевидны тенденции, исходящие от школы, церкви, местной интеллигенции прежде всего в лице учителей, а также патриотов наследия своего села любой профессии. Неудивительно, что воспитательница детского сада в с. Нарда в свое время писала курсовую работу «Обычаи в моем родном селе Нарда» в Высшей педагогической школе в Сомбатхее по специальности «хорватский язык»¹¹, в которой попыталась представить собранные воедино все исполнявшиеся в селе обряды календарного и семейного цикла.

Обращаясь к вторичному воспроизведению тех или иных народных календарных обрядов и ритуалов (что связано прежде всего с поддержанием исчезающей традиции в целях защиты этнокультурной самобытности островной славянской группы), отмечу, что здесь на первое место

⁹ См., например: Касаткин, Касаткина, Никитина 2000; Никитина 2019 и др.

¹⁰ [Kovács] (ed.) 2015.

¹¹ Bosits 1998.

выступает не только инициатива признанных знатоков местного варианта языка и народной культуры, но и их сотрудничество с односельчанами (причем не исключено и возможно сопротивление, нередко обусловленное совершенно неожиданными причинами, см. об этом ниже). Приведу рассказ Ш. Хорвата о возрождении одного зимнего календарного обычая в селе Нарда. Тема возникла во время диалога между исследователем и рассказчиком («проводником») ситуативно уже на самом заключительном этапе экспедиции, когда собственно фактический материал по всем темам этнолингвистического вопросника («Народный календарь», «Семейная обрядность», «Народная мифология») был собран и осмыслен исследователями. Этнограф Шандор Хорват отвез нас в местный придорожный отель около венгерского села Торонь, где проживали участники экспедиции, а по дороге я сообщила нашему спутнику, что мы также побывали в ближайшей от нас венгерской деревушке Дозмат, которая славится сохранением архаического рождественского обхода *Regoles*.

Этнографам в Венгрии (и всем интересующимся народными обычаями) известен факт, что на западе и юго-западе Венгрии долгое время практиковался рождественский обход колядующих парней, называемых «поющие» (от венг. *regölni* ‘петь’)¹², которые обходили дома 26 декабря, в день св. Иштвана, иногда эти обходы продолжались до Нового года, особенно при посещении домов, где были девушки на выданье. Участники обходов, как правило, не носили маску, но мазали лицо сажей, прикрепляли усы, одевались в вывернутые шубы. В руках парни держали палки с привязанными цепями, которыми создавали шум, а также дудели в дудки. У домов девушек на выданье они произносили благопожелания, за что получали подарки. Постоянные составляющие песен, которые исполняются во время таких обходов — благопожелания плодородия, благосостояния хозяину и его домочадцам, а также матримониальная часть, в которой говорится о соединении парня с девушкой. Иногда той или иной песне предшествует вступление, в котором участники обходов сообщают, что проделали большой путь и что они не разбойники, а посланцы Бога / слуги св. Стефана. Считается, что и мелодия песни, и ее текст носят архаический характер¹³.

¹² Лексема *regüs* фигурирует в средневековых грамотах в качестве наименования профессии (профессиональный певец). По мнению лингвистов и историков, термин мог служить древним наименованием венгерских шаманов, колдунов и певцов.

¹³ Материал «Венгерской этнографической энциклопедии»: <http://mek.niif.hu/02100/02115/html/4-808.html>; <http://mek.niif.hu/02100/02115/html/4-883.html>;

Разумеется, обследуя народную традицию градищанских хорватов, проживающих в Венгрии, мы не могли не посетить близлежащую к месту нашей дислокации деревню, которая в прошлом была известна своими обходами *Regölés*. А при опросе прихожанки местной церкви мы сразу услышали, что обряд выполняется и до сих пор. Рассказывая об этом Ш. Хорвату, я услышала его мнение, согласно которому, обход существовал в 1950-е годы, а сейчас этого нет, а если и есть, то это результат того, что обряд пытаются возродить, в том числе и его, Шандора, усилиями, поскольку много лет назад, в начале 1990-х они с группой от музея приезжали в Дозмат снимать фильм о местном рождественском обряде *Regölés*. Постепенно в диалоге наш собеседник перешел к повествованию о рождественских обходах уже в собственном селе Нарда, где он сам стал инициатором воспроизведения (по сути, возрождения) аналогичного, по его мнению, рождественского обряда *pastiri* некоторое время назад.

Далее приведу часть диалога¹⁴, в котором эта тема освещена достаточно подробно:

С. Н.: Ja sam još osamdesét ne znam, šeste ili sedme snimil, smo napravili naj **dokumentarni film**¹⁵, ne, za to, za **Régoleš**, ne. Onda je to snimio taj stariji, ki je kot mladi pokušal. I za prvo, to se deržalo, ne, pred drugim svijetskim bojem, ne. A onda kasnije već ne, i onda ... kad smo mi ovo načinili sa televizijom, onda je ta, nukić toga, neki ... i onda su par put napravili, ali ni, nije to išlo, nije to išlo. Imaju i táblicu, imaju na...

Ш. Х.: Я еще в восемьдесят, не помню, шестом или седьмом году, снял, мы сделали **документальный фильм о том Реголеше**, об этом. И тогда снимал тот более старший <исполнитель>, который еще в молодости это делал. И сначала это сохранялось, до Второй мировой войны. А позже уже нет, и тогда... когда мы это сняли для телевидения, тогда внук того, некто... и после этого пару раз исполнили, но нет, не пошло это, не удержалось. У них есть и табличка на...

<http://mek.niif.hu/02100/02115/html/4-884.html>; <http://mek.niif.hu/02100/02115/html/4-885.html> (дата обращения: 01.11.2019). За помощь в сборе венгерского материала благодарю Д. Ю. Ващенко.

¹⁴ А. П. (А. П.) — Анна Плотникова, Ш. Х. (С. Н.) — Шандор Хорват.

¹⁵ Здесь и далее в диалоге с собеседником полужирным шрифтом выделены наиболее значимые ключевые фразы в описании истории взаимодействия двух рождественских обходов — градищанскохорватского и венгерского.

A. P.: Videli smo je!

S. H.: Ali da bi to...

A. P.: Pitali smo ženu o tom Regoleš, kako se deržalo, ona je rekla: "Prije deset godina je bilo zadnji put".

S. H.: Zato velim, taj mlađi, on bil polagal kad smo mi snimili sa televizijom taj kratki dokumentarac, onda je on dobil taj nagradu, malo novine.

A. P.: Kako da ne, obnovljenje tradicije.

S. H.: Ali pred tim mi smo tako sa jednim učiteljem snimili jedan film, za Regoleš, i s školama su se pominali, i se skupa. Ali nije onda, zbog toga nije još ono bilo. Onda kad smo mi tamo prošli s televizijom, onda taj mali: "Onda ću ponoviti". Ali nek toliko. Velim, to je smišno, znate, **mi Hervati većinom nimaju pastirsku igru pred Božićem, ali Ugri imaju.** I onda je ovdeka bilo i u našem selu: **ki svećenik naučio jednu generaciju i ona je pamti, onda je to išlo.**

A. P.: A u Horvatskim Šicama kažu da imaju pastiri, i u Petrovom Selu isto?

S. H.: Za to kanim povidati. I onda sam ja dvadeset tri tomu da ... tako nekako, dvadeset pet, stariji ljudi nastali, odrasli nastali, kad su u Nardi, nek stvara (?) onda dvadeset

A. П.: Мы ее видели!

Ш. Х.: Но чтобы это <сохранилось>...

A. П.: Мы спрашивали женщину об этом Реголеше, как это сохранялось, и она ответила: "Десять лет назад было последний раз".

Ш. Х.: Вот я и говорю, что тот парень, он участвовал, когда мы снимали с телевидением тот короткий документальный фильм, он тогда получил награду, это было немного новым.

A. П.: Еще бы, обновление традиции.

Ш. Х.: Но перед этим мы вот также с одним учителем снимали фильм о Реголеше, и в школах беседовали, и все вместе. Но тогда еще нет, по этой причине еще до этого не дошло. Но потом, когда мы с телевизионной группой там побывали, тогда тот молодой и говорит: "Тогда я повторю". Ну и всё. Говорю, смешно, знаете, **мы, хорваты, в основном не совершаем «обход пастухов» перед Рождеством, а у венгров есть.** И тогда и у нас было в нашем селе: **священник обучил одно поколение, и они помнят, после чего это продолжалось.**

A. П.: А в Хорватских Шимах говорят, что у них есть *pastiri*, и в Петровом Селе ведь также?

Ш. Х.: Об этом и хочу рассказать. Это я двадцать три года назад... как-то так, двадцать пять, старшее поколение было, повзрослели уже, когда в Нарде организовано (?), двадцать восемь лет уже

osam lit je tomu da je to tako bilo. **Onda sam ja napravil na naš dijalekat pastirsku igru. I onda sam ja tu decu naučio...**

А. П.: Od vas je poteklo!

С. Н.: ...onako, naši tam, e-e, naš stil, ne, ali od ove regije samo po madjarski to mislilo. I ondak su ovi naši počeli to igrat. **I onda su oni svi prosili: četarska učiteljica je prosila od nas, i šćanka je prosila od nas tekst, i onda su oni tako...**

А. П.: Ne samo tekst, nego i bundu prevrnutu oni imaju?

С. Н.: Kad igraju. Da, da. Tako sam ja napravio.

А. П.: Iz tih sela, Hrvatski Židan, Prisika..., samo undanci imaju ti pastiri.

[Разговор уходит от основной темы]

С. Н.: A drugó je pri nas da je došlo od toga da imamo ovdekaj ali što kanim riječ na kraju od sega toga: da pri nas je sad u drugo lito tako malo ispálo **da su sada moráli tome napisat ugérski tekst, kad se ižrálo, su Ugri...**

А. П.: Sad je ugersku tekst vazniji.

С. Н.: **Sad se mora ugersko dat, sad ugérski tekst govóru.** Sad na Božići je to tako bilo i prije rano, prevelo a sad opet na ugérski tekst. **A ja sam go mnogo dilal, da malo ukusa ostalo od našeg jezika.** I smišno da je uprav lani kad smo išli piši na Celje, na svodišće, ne,

тому, как всё так получилось. **И тогда я сделал на нашем диалекте “обход пастухов”. И тогда я тех детей обучил...**

А. П.: От Вас началось!

Ш. Х.: ...таким образом, наши, э-э, наш стиль, а ведь в этом регионе всё только в венгерском духе понималось. И потом эти наши начали это показывать. **И тогда все они просили: учительница из Четара просила у нас, и из Шиц просила от нас текст, и тогда они вот так...**

А. П.: Не только текст, но и возвращенную шубу используют?

Ш. Х.: Когда играют. Да, да. Так я сделал.

А. П.: В тех других селах, Хорватский Жидан, Присика... только в селе Унда есть эти “пастухи”.

Ш. Х.: Другой вопрос, как у нас появилось то, что сейчас имеем, но что хочу сказать в конце концов: у нас уже второй год так получилось, **что мы сейчас должны были переписать этот текст на венгерский, текст во время представления, по-венгерски...**

А. П.: Сейчас венгерский текст важнее [с грустью].

Ш. Х.: **Сейчас нужно по-венгерски дать, сейчас венгерский текст произносят.** Теперь на Рождество это так было, да и раньше — перевели, а сейчас вот снова венгерский текст. **А я его много обрабатывал, чтобы немного ощущения от нашего языка осталось.** И забавно, что как раз этим летом,

...je bilo, dvoje je bilo, ne, jedna je bila ka je s kim sam ja začel ovó. A onda je sva generacija! **Ja sam na početku, u prva litá sam još bil s njimi, da se to nauči, pa da to ide, a onda sam ja ostavil, kad nek običaj mora sam od sebe íć, ne moram ja tu stat iza njega, ne.**

A. P.: Znači, vi ste pokretač za te pastire ovde?

S. H.: Da, da, samo da znate.

A. P.: Igrokaz.

S. H.: Ali kazem: onda, onda dodju mladji, i ja pame-tim, jedno pitam: "A sto si bila, ali sto si bil?". To. Tako sam im rekao: "Daj manje suvikanja!". Oni teču, mali oraci imaju i ve-lju: "Glorija-a", kad to bude — pastire. "Glorija-a, Glorija-a"... i onda od maloga andjela vikoj (?) daje.

A. P.: A pre Vas toga nije bilo? U hrvatskim selima tu?

S. H.: To kažem da... **U Nardi je bilo: jedan svećenik je tamo u pedesetim, početkom pedesetih pokušal naučit na madjarskome.** I onda je to išlo, ne znam, tri godina, tako nekako. I onda niš. To je gotovo, to nije bilo za naše dičake.

A. P.: U Nardi nije ostalo?

S. H.: Ne, ne. Tri ili tako nešto, tako madjarski.

[Разговор уходит от основной темы]

когда мы пешком ходили паломниками в Целье, да... получилось, что было, двое было, нет, одна была женщина, с кем я всё это начинал. А потом — целое поколение! **Я в начале, в первые годы еще был с ними, чтобы обучить и чтобы то пошло, а потом их оставил, так как обычай должен сам от себя развиваться, не должен я тут быть, рядом, нет.**

A. П.: Значит, Вы основатель этих «пастухов» здесь?

Ш. X.: Да, да, чтобы вы знали.

A. П.: Представление [задумчиво].

Ш. X.: Но повторяю: тогда, потом пришли более молодые, и я помню, как спрашивал: "А ты кем была, а ты кем был?" Вот это. Так я им сказал: "Давайте поменьше кричать!" Они идут и поют: "Глория-а", когда исполняют "пастухов". "Глория-а, Глория-а"... и так от малого "ангела" кричат (?) дальше.

A. П.: А до Вас этого не было? Здесь в хорватских селах?

Ш. X.: Скажу так... **В Нарде было: один священник еще тогда в пятидесятых, в начале пятидесятых попробовал обучить на венгерском.** И тогда это продолжалось, не знаю, три года, так как-то. А потом ничего. Это закончилось, это не было интересно нашим ребятам.

A. П.: В Нарде не осталось?

Ш. X.: Нет, нет. Три или около того <года> по-венгерски.

S.H.: Za ove pastire samo da to znate, da je to tako bilo. Velim, tekst, pa onda kad su, hat, hat, razglasilo se, ne. A prvo lito, to kad sam rekao im da, familiji, ne, materi, ocu, da pogodimo gde kad to igrat. "Kako?" sam rekao. **"А-а, то — не! Мой син неће иjt kot prosjak pinezi si sabirat"**. Onda, velim, nešto drugo sam počel mislit ... Onda sam rekao: "Dobro je, onda ćemo u crkvi predstaviti". Ter prvo lito je tako ispalo. Valjda smo na Badnji večer za mašom, oni su. Jedva su bili živi oš, ali oš povstali pa si igrali. I onda mi velu...: "Jo-uj, kako je lipo ovo bilo iz dicom!". Ki su bili prid maše na ponoćke, ti kako to su mogli sad vidit? Gotovo je to sad vidit. A si sad mora to pokazat. Ja sam dicu pital: "Hoćete li zjutra za mašu na Božić?" Na mašu na Božić. Već odigrálo. I onda kad je to prošlo, onda sam rekao: "Ali ovako, ovo sad neће bit dobró, ovo mora do hiže ijt". ... No dobro je. A drugo lito sirote domislit mati otac, ne, da hat ćemo tako na poj: ako dostanu što da to ondak oforvat, ponudit za kakoga, za dobra cilj. To je ono što pristáli za to: "А-а, ovdek kad smo začeli onda što" ... sobrali pinezi, ...onda smo pola vregli kraj, a pose sam razdelil. A to dite, on ide pak dostane pinez, ne. To nije tako, sporad odaje.

A. P.: On bi to sebi zel.

Ш.Х.: Об этих «пастухах» вы должны знать, что это так было. Говорю, текст был, а потом он разошелся. А в первый год, когда сказал им, в семьях, матери, отцу, чтобы договориться, где и когда исполнять. "Как?" — сказал им. **"А-а, этого не будет! Мой сын не станет, как нищий, деньги собирать"**. Тогда, говорю, что-то другое начал придумывать. Тогда сказал: "Хорошо, тогда будем в церкви исполнять". И в первый год так вышло. Вроде бы в Сочельник после мессы они это делали. Были очень уставшими, но все же встали и устроили представление. И тогда мне все говорят: "О-о, как это красиво было с детьми". А те, которые были перед мессой в полночь, они как могли это увидеть? Всё закончилось — не увидишь. И теперь нужно всем это показать. Я детей спросил: "Как насчет завтра утром на мессу на Рождество?" На мессу на Рождество. И так случилось. И потом, когда всё закончилось, я тогда сказал: "Но теперь, это теперь не будет так же хорошо, нужно ходить от дома до дома". ... Ну хорошо. А на следующий год, родители опять про сирот будут придумывать, нет, итак, будем так делать: то, что соберут, предложим кому-нибудь, для хорошей цели. И это было то, на что они согласились: "А-а, теперь, когда уж мы начали, что ж теперь..." ...Собрали деньги, половину отложили, половину я потом разделил... А ребенок — ребенок идет, чтобы получить копейку, нет? Это не так, чтобы он с радостью отдал.

A. П.: Он бы себе взял.

S. H.: A da narandju, pa klopu, pa to, to je njegovo, ali onda polóvicu sam svim razdelíl, a druga polóvica onda smo, ne znam, na različite **dobré čine**. Simbolično oni su darovali. E, i tako i onda kažem: i to već tako od iže do iže išlo, i onda smo..., a učiteljice su čuli kad smo onda, dica znala povidat u školi, da oni igraju pastirsku igru, i onda je to tako ispálo. Tako da koč, koč, **ako človik živi u svojoj, u svojim društvu doma, onda koč mora ne samo analizirat mora pomoć za obdrzanje tu, zajednice, ne.**

A. P.: Hvala lepo!

Ш.Х.: А вот апельсин, другие продукты, такое вот, — это ему принадлежит, но потом половину <денег> я между всеми разделил, а другую половину мы, не знаю там, на разные добрые дела пустили. Люди одаривали символически. Э, вот так, и потом, я говорю: после уже от дома до дома ходили, и мы потом..., а учительницы услышали, как мы это делали, дети стали в школе рассказывать, как они исполняли представление “пастухов”, и вот так это получилось. **Так вот, если, если, человек живет в своей <среде>, в своем обществе дома, тогда же должен не только анализировать, должен и помочь существованию своего общества здесь, так ведь.**

A. П.: Большое спасибо!

Таким образом, обращаясь к социолингвистической стороне вопроса, обнаруживаем в диалоге следующий ряд событий в XX–XXI вв.: сначала, в 1950-х годах воспроизведением обрядового действия *pastiri* с текстами на венгерском языке занимался местный священник, но это не прижилось (продолжалось около трех лет); затем в начале 1990-х — Ш. Хорват воспроизвел текст на родном диалекте градищанскохорватского языка (причем венгерский Реголеш (*Regölés*), который хорошо сохранялся на западе и юго-западе Венгрии, сыграл роль своеобразной поддержки при возобновлении традиции у градищанских хорватов); далее, в течение последующих лет происходило распространение обрядового представления (*pastirska igra*; «*igraju dica pastirsku igru*») в этом «кусте» сел в основном через учителей; и наконец, в настоящее время осуществлен повторный перевод градищанскохорватских текстов «пастухов» на венгерский язык.

С точки зрения инициативы, сотрудничества и сопротивления в этой истории с рождественским обходом присутствуют все три аспекта: и инициатива, исходящая от безусловно уважаемой в селе персоны, и сотрудничество, наблюдаемое и ожидаемое со стороны жителей деревни Нарда, а также других хорватских деревень, особенно

учителей и служителей местной церкви (священников). Вместе с тем, как видим, сопротивление, исходившее от тех же местных жителей, вызвано желанием не показаться этически ущербными («Не будет мой сын ходить побираться!»), что обусловлено новейшими процессами урбанизации и глобализации в целом, связанными с изменением качества жизни: нищенство уходит в прошлое. Поддержка и сотрудничество очевидны в данном случае со стороны церкви: церковь на стороне традиции (в данном случае — известной в других селах градищанцев Венгрии), несмотря на то что элементы архаики, сопутствующие воспроизведению обхода, несомненно, присутствуют.

Как видно из приведенного диалога, на свой вопрос: «А как они должны были быть одеты? В вывернутые кожанки?» я получила положительный ответ. Известно, что ношение ряженными вывернутых кожанок (наряду с символическим обозначением пастушеской атрибутики) относится к ярко выраженным архаическим элементам народной культуры. Во-первых, «мохнатые» одежды (наиболее простой способ изобразить которые — вывернуть наизнанку шубы или кожанки) — обязательный компонент славянского ряжения, в том числе устрашающего¹⁶, деталь обряда, в прошлом направленная на изгнание нечисти¹⁷. Во-вторых, шерсть и мех как символы плодovitости и богатства известны всем славянам, особенно в рождественско-новогодней и весенней обрядности¹⁸.

Отмечу, что во всех градищанскохорватских селах Венгрии, где известен рождественский обход *pastiri*, сохраняется обязательный атрибут этого рождественского обхода — вывернутые наизнанку (мехом наружу) кожанки и шубы. Так, в с. Петрово Село, где обход исполняется до сих пор, участниками экспедиции было записано:

Sako lito šesti razred
ide od hiže do hiže *kot pa-*
stiri. Navuču kape, bunde
obérnuto. Božićne jačke izja-
ču. Zvončad si zvonu. Pinezi.
— Moremo unutra?
— Morete.

Каждый год шестой класс ходит
от дома к дому будто пастухи. Наце-
пят шапки, шубы наизнанку. Рожде-
ственские песни поют. В колоколь-
чики звенят. Деньги <собирают>.
— Можем войти?
— Можете¹⁹.

¹⁶ Отмечу, что в вывернутые кожанки рядились и участники венгерского обхода *Regoles*.

¹⁷ См.: Виноградова, Плотникова 2009: 520.

¹⁸ Плотникова 2012: 576.

¹⁹ Информант — *Ana Škropits*, 77 лет, запись 2019 г.

В книге М. Йорданича «Народные обычаи градищанских хорватов» имеется и опубликованный текст рождественской песни-благопожелания из с. Унда, где наряду с рассказом о действиях с выпасом овец (своего рода «подтверждение» их профессиональной деятельности) звучит также мотив нищенства, например: *a čizam nigdor nima* (а сапог нет ни у кого)²⁰. Декламация отдельных строк из песни ряженных «пастухов» Ш. Хорватом («я пришел из леса голодный» и т. п.) также свидетельствовала о необходимости фраз о том, как поющие пришли «издалека», что адресует нас к архаическому мотиву «чудесного гостя», приносящего дары и благоденствие. Нередко в этой роли выступает нищий, который мог восприниматься как носитель доли, судьбы, посредник между этим и «тем» светом²¹.

Во всех подобных случаях лица, посещающие дома, выступают в роли «чудесных гостей»: соединяя сферы «своего» и «чужого», они становятся объектом сакрализации и почитания как представители некоего «иног» мира, одаривание которых в свою очередь несет благосостояние, успех и удачу хозяевам. В настоящее время архаический аспект обхода сохраняется как символ, знак, характерная особенность самого зимнего обхода. При этом для данного рождественского обхода (*pastirska igra*) характерны маски, представляющие персонажей библейской истории: в этом плане «пастухи» и «ангелы» в игровом исполнении из Нарды вписываются в более широкий контекст поздней славянской традиции, тогда как его более древнее значение, отраженное в атрибутике обряда и мотивах песен, прослеживается в разных градищанскохорватских селах Венгрии.

Литература

- Виноградова, Плотникова 2009 — Виноградова Л.Н., Плотникова А.А. Ряжение // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 519–525.
- Касаткин, Касаткина, Никитина 2000 — Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф., Никитина С.Е. Русский язык оregonских старообрядцев: языковые портреты // Речевое общение в условиях языковой неоднородности / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: URSS, 2000. С. 134–152.

²⁰ Jordanić 2009: 144.

²¹ См. Левкиевская 2004: 409–410.

- Левкиевская 2004 — *Левкиевская Е. Е.* Нищий // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 408–411.
- Никитина 2019 — *Никитина С. Е.* Взаимосвязь веры, культуры и языка в конфессиональной группе как коллективной личности // Понимая город: коммуникация с пространством, временем и людьми. Материалы XIX Международной школы по фольклористике и культурной антропологии / сост. Н. Петрова, Н. Рычкова. М.: РГГУ, 2019. С. 52–57.
- Плотникова 2012 — *Плотникова А. А.* Шерсть // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 576–579.
- Плотникова 2017 — *Плотникова А. А.* Основные мотивы в народной культуре градищанских хорватов // Вестник славянских культур. 2017. Т. 47. С. 106–119.
- Плотникова, Ващенко 2019 — *Плотникова А. А., Ващенко Д. Ю.* Этнолингвистическая экспедиция в градищанскохорватские села Западной Венгрии (окрестности Сомбатхея) // Славяноведение. 2019. № 6. С. 88–98.
- Bosits 1998 — *Bositz J.* Običaji u mojem rodnom selu u Nardi. Dissertation. Szombathely, 1998. 35 s. (рукопись).
- Jordanić 2009 — *Jordanić M.* Narodni običaji Gradišćanskih Hrvatov / Das Brauchtum der Burgenlandkroaten. Filež/Nikitsch: LIKUD/HKD, 2009. 281 s.
- [Kovács] (ed.) 2015 — Horvátlövő településtörténete és néprajzának értéktára / [összeáll. és szerk. G. Kovács]. [Gencsapáti]: Szülőföld könyvkiadó, 2015. 352 old.

References

- Bosits, J., 1998. *Običaji u mojem rodnom selu u Nardi*. Dissertation. Szombathely, 35 p. (manuscript).
- Jordanić, M., 2009. Narodni običaji Gradišćanskih Hrvatov / Das Brauchtum der Burgenlandkroaten. Filež/Nikitsch: LIKUD/HKD, 281 p.
- Kasatkin, L. L., Kasatkina, R.F., Nikitina, S. E., 2000. Russkii iazyk oregonskikh staroobriadtsev: iazykovye portrety [Russian language of the Oregon Old Believers: linguistic portraits]. In: Krysin, L. P., ed. *Rechevoe obshchenie v usloviiakh iazykovoi neodnorodnosti* [Language communication in conditions of language heterogeneity]. Moscow: URSS, pp. 134–152.
- [Kovács, G., ed.], 2015. *Horvátlövő településtörténete és néprajzának értéktára* [Gencsapáti]: Szülőföld könyvkiadó, 352 p.
- Levkievskaja, E. E., 2004. Nishchii [Beggars]. In: Tolstoi, N. I., ed. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskii slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary]: 5 vols., 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, pp. 408–411.
- Nikitina, S. E., 2019. Vzaimosvaz' very, kul'tury i iazyka v konfessional'noi gruppe kak kolektivnoi lichnosti [Interrelationship of faith, culture and language in

- a confessional group as a collective person]. In: Petrova, N., Rychkova, N., ed. *Ponimaia gorod: kommunikatsiia s prostranstvom, vremenem i liud'mi. Materialy 19 Mezhdunarodnoi shkoly po fol'kloristike i kul'turnoi antropologii* [Understanding the city: communication with space, time and people. Materials of the XIXth International School of Folklore Studies and Cultural Anthropology]. Moscow: RGGU, pp. 52–57.
- Plotnikova, A. A., 2012. Sherst' [Wool]. In: Tolstoi, N. I., ed. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary], 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, pp. 576–579.
- Plotnikova, A. A., 2017. Osnovnye motivy v narodnoi kul'ture gradishchanskikh khorvatov [Basic motives in the folk culture of Burgenland Croats]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 47, pp. 106–119.
- Plotnikova, A. A., Vashchenko, D. Yu., 2019. Etnolingvisticheskaia ekspeditsiia v gradishchanskokhorvatskie sela Zapadnoi Vengrii (okrestnosti Sombatkheia) [Ethnolinguistic expedition to the Burgenland Croats' villages of Western Hungary (around Szombathely)]. *Slavianovedenie*, 6, pp. 88–98.
- Vinogradova, L. N., Plotnikova, A. A., 2009. Riazhenie [Dressing up]. In: Tolstoi, N. I., ed. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary], 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, pp. 519–525.

Anna A. Plotnikova

Dr. Sc., Chief Research Fellow, Institute for Slavic Studies,
Russian Academy of Science, Moscow, Russia. 119334, Leninsky
Prospekt, 32a. E-mail: annaplotn@mail.ru

Calendar bypass rites of Burgenland's Croats in Hungary: history and reproduction

The article deals with the calendar bypass rites of the Burgenland Croats of South-Western Hungary in the vicinity of the town of Szombathely and is based on ethnolinguistic field studies conducted in 2019. Special attention is paid to the processes of the interaction between and mutual influence of the coexisting Croatian and Hungarian languages, folklore, and ethnographic traditions. The role of the folk language used is shown, which is in some cases reproduced when recreating the ritual Christmas circumambulation. The researcher focuses on the history of the revival of the “shepherds” Christmas rite in the village of Narda and its surrounding villages – Felsőcsatár and Horvátlövő. Reconstruction of the elements of the Christmas “shepherds” showed that the persons taking part in the ritual who visit the houses in the village as “shepherds” act as “wonderful guests”. They are connecting the spheres of both “their own” and “alien” worlds, and become the object of sacralisation as representatives of some other world, who bring prosperity, success, and good luck to the owners of the house. At present, this archaic aspect of the circumambulation (which is reflected in the attributes of the maskers and the motifs of their songs) is preserved as a symbol, sign, or characteristic feature of the winter rite itself (the shepherd's performance). The masks representing the characters of biblical history are characteristic (shepherds, angels), which fits into the broader context of the later Slavic tradition. The example of the Christmas rite of “shepherds” shows the linguistic and folklore polyglossia that is typical for this region, where Burgenland's Croats live in a foreign-language and foreign-culture environment.

Keywords: folk calendar, ethnolinguistics, folklore, traditional folk culture, archaic areas, language of Burgenland's Croats, Hungarian influence